13. La Fayette M.M. Princesse se Clèves, Paris, C. Barbin, 1678 (рус. перевод Мари Мадлен де Лафайет. Принцесса Клевская. М., 1959).

14. Racine J. Iphigénie, Paris, Folio, 1999 (рус. перевод Расин Ж. Трагедии / пер. И. Шафаренко, Е. Шора. Новосибирск, 1977).

15. Rabelais Gargantua et Pantagruel, Paris, Gallimard, 2000 (рус. перевод Н. Любимова. Гаргантюа и Пантагрюель, М., 1961).

16. Rimbaud A. Dormeur du val // Rimbaud A. Rélique, poésie, éd. Génoncaux, 1895 (Рембо А. Спящий в долине / пер. Л.Ф. Иванова).

17. Boutet de Monvel, M. Les procédés du discours. Editions Magnard. P., 1984.

18. Азарова Л.В. Прием преуменьшения и его функции в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1981.

19. Bayard P., L'Enigme de Tolstoïevski. Paris, Editions Minuit, 2016.

20. Bayard P. Le «Titanic» fera naufrage. Paris, Editions Minuit, 2016.

21. Gillot A., La surface de réparation. Paris, Flammarion, 2015.

22. Faye G., Petit pays. Paris, Editions Grasset, 2016.

* * *

1. Kvjatkovskij A.P. Shkol'nyj pojeticheskij slovar'. M.: Drofa, 2000.

2. Nuriahmetova Ju.M. O dvojstvennosti opredelenija termina litota v lingvističkoj literature // Innovacii v nauke. 2014. № 30-2b. S. 33–38.

3. Pavlenkova O.N. Litota kak komponent stilističeskogo priema antitezy // Vestn. Mosk. in-ta lingvistiki. 2014. № 7. S. 98–99.

Peculiarities of using and translating the rhetorical figure of litotes in the French language: context and metacontext, classic and modernity

The article deals with litotes as one of the most popular stylistic tools in classical and modern French. The authors consider the basic definitions of litotes in the light of the controversy among some researchers over the nature of litos. It is proved that the value of the French litas is not always possible to define outside the historical and social metacontext of the statement.

Key words: *litotes, classical and modern French literature, historical and social context.*

(Статья поступила в редакцию 02.10.2018)

ЦЮ СЮЕИН
(Санкт-Петербург)

**АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ
ПАРЕМИЙНАЯ ОППОЗИЦИЯ
«ДОБРЫЕ / ЗЛЫЕ ДЕЛА»:
ПРОБЛЕМЫ ОПИСАНИЯ
В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ
СЛОВАРЯХ (на фоне китайского
языка)**

Рассматривается вопрос о способах репрезентации аксиологических ценностей и описания коннотативной оценки на материале паремий русского и китайского языков с помощью выделения установок культуры. Выявляются национальные особенности ценностных систем, отразившихся в паремийном материале. Представлен алгоритм описания паремии в учебном лингвокультурологическом словаре; а также приводится сравнительное описание ценностных систем, репрезентированных паремиями русского и китайского языков.

Ключевые слова: *аксиология, аксиологическая ценность, паремии, установки культуры, лингвокультурологический словарь.*

Лингвокультурология – это молодая и активно развивающаяся наука. В настоящее время уточняется описание ее терминологического аппарата, методов исследования и способов репрезентации паремииологического (пословичного) материала в лингвокультурологических словарях.

К числу малоизученных в этом ключе понятий относятся аксиологическая ценность (оценка), культурная коннотация, установки культуры. Эти явления редко изучаются с использованием именно паремийного материала и на основе сопоставления с единицами китайского языка. Взаимосвязи данных понятий и посвящена эта работа.

Общепризнанным является положение о том, что аксиология – это учение о теории ценностей, которое впервые появилось в исследованиях по философии. К началу XXI в. это понятие используется в психологии, педагогике, социологии и лингвистике.

К аксиологически ориентированным дисциплинам относятся социолингвистика, этнолингвистика и лингвокультурология. Исследование вербального отражения ценностей

открывает возможности для детального описания национального языкового сознания. С 2002 г. в научной литературе появляется новое направление исследований – аксиологическая лингвистика.

В Волгоградском государственном педагогическом университете открылась научно-исследовательская лаборатория под руководством В.И. Карасика именно с таким названием: «Аксиологическая лингвистика» [15]. Эта наука как новый исследовательский метод направлена на решение проблем, которые связаны с устранением сбоев в межкультурной коммуникации. Наиболее перспективным сегодня видится направление, способствующее выявлению национальных особенностей ценностных систем, которые отражены в языковом материале. В нашей работе сопоставляются паремийные единицы русского и китайского языков.

Аксиологические ценности формируют культурные коннотации, коннотативные оценки [14, с. 3]. Культурная коннотация определяется как «отпечаток исторической, этнической памяти в системе языка <...> Она может отображаться вербально в виде своеобразных концептов, стереотипов, эталонов, символов, фреймов, мифологем и т. п. знаков национальной и общечеловеческой культуры, освоенной народом – носителем языка» [2, с. 177].

Ценностные характеристики и оценочность, в том числе и как одна из характеристик паремийного материала, находятся в зоне малоизученных объектов, что привлекает внимание многих исследователей, таких как Г.Д. Гачев, Л.Г. Бабенко, Е.В. Бабаева, Е.В. Иванова, С.Г. Тер-Минасова и др.

Пословица тесно связана с системой ценностей / антиценностей народа, с аксиологической картиной мира [8, с. 44–45]. К национальной культуре относится все, что интерпретируемо в терминах *ценностных ментальных установок* [24, с. 78]. Аксиологическая оценка на материале паремий может быть вербализована с помощью *установок культуры*. Культурные установки – это «ментальные образцы, играющие роль прескрипций для жизненных практик, являющиеся продуктом взаимодействия двух и более индивидов» [23, с. 18].

Установки культуры выделяются исследователем на основе анализа значения нескольких паремий одного понятийного, тематического или синонимического ряда. Целью выделения ментальной установки культуры явля-

ется детализация культурной коннотации, аксиологической ценности, заложенной в пословице, поскольку «паремии по своей сути предназначены для выражения мыслей о ценностях мира» [19, с. 25]. Именно эти характеристики, по нашему мнению, способствуют более детальному описанию паремий в лингвокультурологических двуязычных словарях, позволяя оптимизировать систему семантизации паремийных единиц.

Всего для данной работы было отобрано 107 русских и 56 китайских пословиц с эпитетами *добрый* и *злой*. Для анализа нами использовались пословицы, содержащие словосочетания *добрые дела* и *злые дела*. Эти паремии имеют ярко выраженную аксиологическую ценность (*добрые дела*) и антиценность (*злые дела*) и, как правило, сохраняют ее в составе паремий.

Актуальность данного исследования обусловлена недостаточной изученностью вопроса выделения аксиологической и коннотативной оценочности с помощью описания установок культуры на материале паремий двух языков. Цель и задачи работы состоят в выявлении национальных особенностей ценностных систем, отразившихся в языковом материале.

Практическая ценность исследования заключается в возможности применения результатов анализа при описании паремийного материала в двуязычных лингвокультурологических словарях, а новизна – в выделении дополнительных параметров описания паремийных единиц в учебном лингвокультурологическом словаре.

В современной науке пословицы определяются как «фразеологизмы со структурой предложения, имеющие в своем значении идею всеобщности, иллюкутивную семантику рекомендации или совета (нравоучения) и характеризующиеся относительной дискурсивной самостоятельностью» [3, с. 69]. Под термином *поговорка* мы будем понимать «краткое народное изречение, обладающее только буквальным планом и по своей структуре являющееся предложением» [10, с. 11]. Важным для нашей работы является также термин *паремия*. Многие ученые сходятся во мнении, что под *паремией* следует понимать «прежде всего, пословицы и поговорки» [13, с. 33; 19, с. 108; 21, с. 178].

Лингвокультурологический комментарий паремий включает в себя такие параметры, как:

- определение значения русской поговорки;
- описание ситуации, в которой может быть использована поговорка;
- выявление внутреннего образа единицы;
- выделение культурной ментальной установки лингвокультуры;
- анализ употребления поговорок в современных текстах;
- сопоставление с китайскими аналогами;
- приведение русских поговорок, реализующих ту же установку культуры;
- комментирование безэквивалентной лексики, отражающей реалии традиционного русского быта;
- тематическая привязка поговорок;
- описание экспрессивно-оценочных коннотаций, анализ образного значения единицы [1; 11; 12].

В центре нашего внимания находятся такие параметры лингвокультурологической характеристики поговорок, как аксиологическая ценность, культурная коннотация (коннотативная оценка) и установки культуры.

Поговорочные единицы, используемые в работе, репрезентируют концепт «дело». Характерным для слова *дело* в составе поговорок является определение *добрый*. Слова *добрый*, *добро* встречаются в старославянском (*dobrŭ*, *dobro*), в общеславянском (*dobrŭ*).

Прилагательное *добрый*, имеющее значение ‘мягкосердечный, сострадательный, хороший’, впервые стало использоваться в русском языке в XI в. [29, с. 258]. В толковых словарях русского языка слово *добрый* определяется как ‘делающий добро другим, отзывчивый, а также выражающий эти качества’, ‘несущий благо, добро, благополучие’, ‘хороший, нравственный’ [6, с. 264–265].

Словосочетание *добрые дела* встречается в 40 поговорочных выражениях. Приведем примеры: *Доброму делу и ангелы небесные радуются; Доброе дело скоро не делается; Доброе дело два века живет* [Там же, с. 248–253].

За поговорками со словосочетанием *добрые дела* закрепились положительные коннотативная оценка: *На доброе дело и глядеть отрадно; Многожды и худородные добрыми делами во всякую честь выходят; За добрые дела всегда живет похвала* [Там же, с. 245–250]. В поговорочном фонде как русского, так и китайского языка выделяется пласт поговорок, характеризующих понятие *добрые дела* как категорию вечной ценности.

Ценность мы будем понимать как «идеал, всеединство истины, добра и красоты; пред-

ставление о желаемом». Именно ценности составляют основу нравственных принципов» [17, с. 92]. Однако эти ценности могут по-разному пониматься различными этнокультурными сообществами, что доказывает сопоставительный анализ установок культуры, заложенных в поговорках.

В поговорках ряда «добрые дела» можно выделить следующие установки культуры.

1. Добрые дела угодны Богу: *Без добрых дел вера мертва (нема) пред (перед) Богом; Жизнь – дела Божьи творить; Доброму делу и ангелы небесные радуются; Доброе дело питает и душу, и тело.*

2. Добрые дела приносят почет и славу: *Многожды и худородные добрыми делами во всякую честь выходят; Доброе дело без награды не останется; Хорошему делу – красная цена.*

3. Доброе дело заслуживает похвалы: *За добрые дела всегда живет похвала; Доброе дело само себя хвалит; За доброе дело жди похвалы смело.*

4. О добрых делах долго помнят: *Доброе дело два века живет; Доброе дело и в воде не тонет; Доброе дело на век; Добрые дела и по смерти живут.*

5. Для доброго дела нужны ум, время: *За добрым делом находишься, худое само придет; На доброе дело не найдешь пособника, а на худое пособников много; На доброе дело ума не станет, а на худое – станет; Торопись на доброе дело, а худое само приспееет; Доброе дело скоро не делается.*

6. Добрые дела обогащают и духовную, и нравственную жизнь: *Доброе дело питает и душу, и тело; Многожды и худородные добрыми делами во всякую честь выходят; Кто любит добрые дела, тому и жизнь мила; Доброму делу и ангелы небесные радуются.*

7. Добрые дела определяют человеческую жизнь: *Без добрых дел нет доброго времени; Кто любит добрые дела, тому и жизнь мила; Хорошее дело само светится.*

8. Доброе дело делается скоро и смело: *Доброе дело делается смело; Доброе дело делай смело; Доброе дело скоро делается; С добрым делом не опоздаешь; Добрый скорее дело делает, чем сердитый; Торопись на доброе дело, а худое само приспееет.*

9. Тщеславие убивает добрые дела: *И добрые дела нами помрачаются тщеславием* [6, с. 245]. Согласно словарю Д.Н. Ушакова, тщеславие – это ‘пустое высокомерие, кичливость, желание быть предметом славы, по-

читания' [25, с. 836]. Кроме того, тщеславие определяется следующим образом: от 'тщетный, напрасный + слава' – 'стремление хорошо выглядеть в глазах окружающих, а также ложные высказывания, потребность в подтверждении своего превосходства, иногда сопровождающаяся желанием слышать от других людей лесть'. Смежные понятия: гордыня, спесь, звездная болезнь, гордость, кичливость [20]. Другими словами, тщеславие в данной паремии относится к антиценностям, в целом единица имеет отрицательную коннотативную характеристику, формально относясь к ряду «добрые дела».

В пословицах синонимами прилагательного *добрый* являются слова *божий, хороший, чистый, честный, великий, правый, нужный, добрый*: *Жить – дела Божьи творить; Не меняй Божия дела на пенязи (мелкие монеты); Хорошее дело само светится; Хорошему делу – красная цена; Чистое дело грязными руками не делают; Честное дело не таятся; Великое дело есть молчание; Где правое дело, и малые победы велики; За нужное дело берись смело; За правое дело стой смело; Отправя доброе дело, поезжай домой смело* [6, с. 244–253].

Антонимом слова *добрый* в составе паремий является определение *худой*, в значении 'плохой, недобрый': *Худое дело само осуждается; Худое дело везде поспело; Худое дело, коли жена голова*. Значение слова *худой* в толковых словарях русского языка определяется как 'плохой, вызывающий неодобрение, заслуживающий осуждения; плохой, дурной, скверный' [5, с. 516–519; 22, с. 630]; 'неладный, негодный, дурной, плохой, нехороший' [9, с. 568].

Синонимами слова *худой* в составе паремий являются слова *злой, плохой, темный, грязный, глупый, дурацкий, лживый*: *На злое дело всякого станет; Молиться молись, а злых дел берегись; Темные дела света боятся; Брось грязное дело – пойдём трубы чистить; Глупое дело делать не мудрено; Дурацкое дело – не хитро; Лживое дело хило*.

Зло (худые, недобрые дела) характеризуется в паремиях как категория вечной антиценности как в русском, так и в китайском языке. Эта антиценность также по-разному понимается различными этнокультурными сообществами. За паремиями со словосочетанием *худые (плохие), злые дела* закрепились отрицательная аксиологическая оценка, что отражается в установках культуры данного паремийного ряда.

1. Пословицы советуют сторониться зла как такового: *Молиться молись, а злых дел берегись; В дело не годится худым похвалиться*.

2. Злые дела не остаются безнаказанными: *За худые дела слетит голова; Не вступай в худые дела, не будешь обеспечен; У худа дела худ и конец; Худое дело само осуждается; Худому делу – худой и конец; Худые дела не доведут до добра*.

3. Плохие дела не требуют усилий, ума: *За добрым делом находишься, худое само придет; На злое дело всякого станет; Сделала дело худое: переломила веретено кривое; Торопись на доброе дело, а худое само присплет; Худое дело везде поспело*.

В китайском паремийном материале выделяются следующие ментальные установки культуры.

1. Добрые дела угодны Богу: *万事到头终有报, 善人自有鬼神知 (Если человек совершает добрые дела, то Бог, который всегда все видит, обязательно воздаст (вознаградит) ему по заслугам)* [28, с. 931]; *好事天顺心 (У добрых дел всегда счастливый конец, потому что они совершаются не без божьей помощи)* [Там же, с. 279].

2. Злые дела не остаются безнаказанными: *万事到头终有报, 只争来早与来迟 (За добрые дела платят добрыми делами, за злые поступки всегда следует наказание)* [Там же, с. 749].

3. Добрые дела определяют жизнь: *善人必获福报, 恶人总有祸临 (Если совершать добрые поступки, то у человека все будет хорошо в жизни. Если человек совершает плохие (злые) поступки, то с ним приключится беда)* [Там же, с. 750]; *人心但存善, 百福降家庭 (Если человек милосерден по отношению к другим, то однажды это добро вернется и в его дом); 善不积不足以成名, 恶不积不足以灭身 (Если скопить много добрых дел на своем веку, то можно стать известным, жизнь будет счастливой, а если промышлять только злыми делами, то впереди будут ждать только муки совести и смерть)* [27, с. 206].

4. Добрые дела совершаются открыто: *好事不背人, 背人没好事 (Хорошие (добрые) поступки необходимо совершать открыто. Если что-то делается тайно, за спиной, то, скорее всего это злодеяние (плохой поступок). Когда человек боится лично (в глаза) сказать что-либо, то это обязательно нехорошее, недоброе дело. Благодные (открытые, чисто-*

сердечные) дела не нужно делать за спиной (тайно)); 好茶不怕细品, 好事不怕细论 (Как хороший чай не боится медлительности и церемонности, так и истинно добрым делам не страшен разговор о них во всех деталях) [28, с. 278].

5. Для доброго дела нужны ум, усилие, время. В процессе их совершения встречаются трудности (для плохих дел ничего не нужно): 从善如登, 从恶如崩 (Следовать доброму пути (заниматься добрыми делами) сложно, словно взбираться на гору, а совершать злые (плохие) поступки легко, словно наблюдать за горным обвалом); 好事难成 (Человек, который совершает добро (доброе дело), всегда сталкивается с трудностями); 好事多磨 (Совершать добро (доброе дело) не просто, на пути всегда встречаются преграды и трудности) [26, с. 278].

6. Необходимо побуждать делать добро и наказывать зло: 人不劝不善, 钟不敲不叫唤 (Если человек не будет принимать советы, он не будет исправлять ошибки и следовать по правильному пути (делать добрые дела). Как будто колокол, если не бить в колокол, то и звона не будет) [28, с. 625]; 惩恶劝善: 惩, 劝 (Надо наказывать зло и воодушевлять делать добро); 好事莫打破, 坏事莫帮言 (Надо всегда совершить добрые дела, и нельзя помогать делать злые дела); 善事要做, 恶事莫为 (Надо делать добрые дела, нельзя совершить злые) [26, с. 277].

7. Добро всегда остается добром, а зло всегда – злом: 千日行善 (事), 善犹不足, 一日行恶 (事), 恶自有余 (Недостаточно совершить один добрый поступок (дело), однако один злой поступок может быть уже фатальным, неисправимым. Необходимо совершать добрые дела каждый день и избегать злых дел) [28, с. 558]; 善人回头就是恶, 恶人回头就是善 (Если добрый человек начнет совершать плохие поступки, то он станет злым. Если злой человек перестает делать плохо другим, а начинает проявлять милосердие, то он станет хорошим. Нельзя быть добрым время от времени, всегда нужно поступать по совести); 善是福之基, 恶是祸之兆 (Добро (добросердечность) – это основа счастья, а зло – это символ и начало беды) [Там же, с. 750–751].

Жизненные ценности репрезентируются различными языковыми средствами, паремии двух языков не совпадают ни по образности, ни по компонентному составу, но, тем не менее, выражают одинаковые установки культу-

ры, отражают одинаковые общечеловеческие ценности / антиценности.

Ценностные понятия *добрые дела* в составе паремий, как и антиценностные выражения *злые (худые) дела*, не всегда по-разному понимаются различными этнокультурными сообществами, в этом понимании имеются незначительные различия, которые могут быть дополнены другими паремиями языка, с иной формальной структурой.

Всего на материале русских паремий выделено 12 ментальных установок культуры, в китайском языке – 7. При этом 4 установки культуры совпадают в двух языках, 3 установки не совпадают, выражают диаметрально противоположные мнения, а 5 ментальных установок являются лакунами для китайской лингвокультуры. Продемонстрируем данные выводы на примерах.

Так, русские паремии постулируют мысль о том, что доброе дело делается скоро и смело (*Доброе дело говорится смело; Доброе дело делай смело; Доброе дело скоро делается*). В китайском языке бытует убеждение о том, что добрые дела делаются вдумчиво и осторожно: *好事不在忙里 (Добрые дела лучше совершать вдумчиво и осторожно. Спешка в таких делах лишняя)* [28, с. 278].

В русском языке добрые дела заслуживают похвалы, вознаграждаются: *За добрые дела всегда живет похвала; Доброе дело само себя хвалит; За доброе дело жди похвалы смело; Многожды и хутородные добрыми делами во всякую честь выходят*. В китайском языке добрые дела не всегда вознаграждаются: *好事没下梢 (Не все добрые дела вознаграждаются. Некоторые добрые поступки наоборот могут навредить человеку)* [Там же, с. 279]. В русском языке эта мысль может быть выражена паремиями с другой формальной структурой: *Не делай добра, не получишь зла; Благие намерения ведут в ад*.

В русском языке правильной считается мысль о том, что о добрых делах долго помнят: *Доброе дело два века живет; Доброе дело и в воде не тонет; Доброе дело на век; Добрые дела и по смерти живут; Доброе дело крепко*. В китайском языке, с одной стороны, утверждается мысль противоположная – результат добрых дел быстро забывается (*好事不坚牢 (Результат добрых дел недолговечен)* [Там же, с. 278]), с другой – также считается, что добрые дела долговечны несмотря ни на что, и память о них всегда жива среди людей (*好花开不败, 好事说不坏 (Как кра-*

сивые цветы долго держат свой цвет, так и добрые дела вопреки клевете и преградам на пути всегда остаются добрыми; 花香风吹, 好事人传 (Как аромат цветов, принесенный ветром, так и добрые дела распространяются по миру) [27, с. 87–92]).

В русских пословицах конкретизируются понятия «доброе дело», «худое (злое) дело»: *Доброе дело – правду говорить смело; Худое дело обидеть соседа; Худое дело, коли (когда) жена не велела; Худое дело, коли сам истец судья*. В китайских пословицах понятие «доброе – плохое дело» не определяется, не конкретизируется.

Таким образом, аксиологическая классификация материала (добрые дела / злые (худые) дела) в лингвокультурологическом словаре учебного типа определяет культурную коннотацию (положительную / отрицательную), а установки культуры детализируют коннотативные оттенки значения. Аксиологические ценности в русской и китайской лингвокультурах, выявленные на материале паремий с компонентами *добрые / злые дела*, в целом совпадают и отличаются лишь оттенками коннотативного значения.

Список литературы

- Алешин А.С. Устойчивые сравнения шведского языка: лингвокультурологический аспект. СПб.: Нестор-История, 2012.
- Бавдинев Р.Р. Культурная коннотация и паремические единицы // Вестник КазНУ. Серия филологическая. 2005. № 8. С. 177–180.
- Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Аспекты теории фразеологии. М.: Знак, 2008.
- Бидерман Г. Энциклопедия символов / пер. с нем.; общ. ред. и предисл. И.С. Свенцицкой. М.: Республика, 1996.
- Большой академический словарь русского языка. Словарь современного русского литературного языка / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Ленинград, 1965. Т. 17.
- Большой словарь русских пословиц / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина, Е.К. Николаева. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа групп», 2010.
- Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2000.
- Бочина Т.Г., Сяо Цюнь. Аксиология возраста в русской паремике // Филология и культура. 2013. № 3(33). С. 44–48.
- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Рус. яз., 1981–1982.
- Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. М.: Сов. энцикл., 1966.
- Зиновьева Е.И., Пи Цзянькунь. Параметры лингвокультурологического анализа паремий одного языка на фоне другого (на материале русских и китайских единиц) // Коммуникативные исследования. 2016. № 1(7). С. 18–24.
- Иванова Е.В. Мир в английских и русских пословицах: учеб. пособие. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та; Филол. ф-т СПбГУ, 2006.
- Иванова Н.Н. Примета-пословица как особая паремиологическая единица // В.И. Даль в парадигме современной науки: язык – словесность – самосознание – культура: материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 200-летию юбилею В.И. Даля: в 2 ч. Иваново: Изд-во Иван. гос. ун-та, 2001. Ч. 1. С. 33–35.
- Карасик В.И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты: сб. науч. тр. / ВГПУ, ПМПУ. Волгоград – Архангельск, 1996.
- Карасик В.И. Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы: моногр. Волгоград: Парадигма, 2015.
- Колесов В.В., Колесова Д.В., Харитонов А.А. Словарь русской ментальности: в 2 т. СПб.: Златоуст, 2014.
- Красных В.В. Словарь и грамматика лингвокультуры. Основы психолингвокультурологии. М.: Гнозис, 2016.
- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1999.
- Савенкова Л.Б. Русские паремии как функционирующая система: дис. ... д-ра филол. наук. Ростов н/Д., 2002.
- Сам себе психолог [Электронный ресурс]. URL: <http://www.psychology-faq.com> (дата обращения: 08.05.2017).
- Селиверстова Е.И. Пространство русской пословицы: постоянство и изменчивость. М.: ФЛИНТА: Наука, 2017.
- Словарь русского языка: в 4 т. М.: Рус. яз., Полиграфресурсы, 1984. Т. 4.
- Телия В.Н. Первоочередные задачи и методические исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры. М., 1999. С. 13–25.
- Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Яз. рус. культуры, 1996.
- Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка: в 4 т. М., 1940.
- Уэн Дуаньчжан. Большой словарь китайских поговорок. Шанхай. Шанхайское словарное издательство, 2011 (на кит. яз.).
- Уэн Дуаньчжан, Шэнь Хуэйюнь. Практический словарь китайских пословиц. Пекин: Пекинское изд-во, 2014 (на кит. яз.).
- Уэн Дуаньчжан. Большой словарь китайских пословиц. Шанхай, Шанхайское словарное изд-во, 2011 (на кит. яз.).
- Черных П.Я. Историко-этимологический словарь русского языка. М.: Рус. яз., 1994.

* * *

1. Aleshin A.S. Ustojchivye sravnenija shvedskogo jazyka: lingvokul'turologičeskij aspekt. SPb.: Nestor-Istorija, 2012.
2. Bavdinev R.R. Kul'turnaja konnotacija i paremičeskie edinicy // Vestnik KazNU. Serija filologičeskaja. 2005. № 8. S. 177–180.
3. Baranov A. N., Dobrovolskij D.O. Aspekty teorii frazeologii. M.: Znak, 2008.
4. Bidermani G. Jenciklopedija simbolov / per. s nem.; obshh. red. i predisl. I.S. Svencickoj. M.: Respublika, 1996.
5. Bol'shoj akademičeskij slovar' russkogo jazyka. Slovar' sovremennoho russkogo literaturnogo jazyka / pod red. A.P. Evgen'evoj. M.: Leningrad, 1965. T. 17.
6. Bol'shoj slovar' russkih poslovic / V.M. Mokinenko, T.G. Nikitina, E.K. Nikolaeva. M.: ZAO «OLMA Media grupp», 2010.
7. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka / pod red. S.A. Kuznecova. SPb.: Norint, 2000.
8. Bochina T.G., Sjao Cjun'. Aksiologija vozrasta v russkoj paremike // Filologija i kul'tura. 2013. № 3(33). S. 44–48.
9. Dal' V.I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo jazyka. M.: Rus. jaz., 1981–1982.
10. Zhukov V.P. Slovar' russkih poslovic i pogovorok. M.: Sov. jencikl., 1966.
11. Zinov'eva E.I., Pi Czjan'kun'. Parametry lingvokul'turologičeskogo analiza paremij odnogo jazyka na fone drugogo (na materiale russkih i kitajskih edinic) // Kommunikativnye issledovanija. 2016. № 1(7). S. 18–24.
12. Ivanova E.V. Mir v anglijskih i russkih poslovicah: učeб. posobie. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta; Filol. f-t SPbGU, 2006.
13. Ivanova N.N. Primeta-poslovica kak osobaja paremiologičeskaja edinica // V.I. Dal' v paradigme sovremennoj nauki: jazyk – slovesnost' – samoznanie – kul'tura: materialy Vseros. nauch. konf., posvjashh. 200-letnemu jubileju V.I. Dalja: v 2 ch. Ivanovo: Izd-vo Ivanov. gos. un-ta, 2001. Ch. 1. S. 33–35.
14. Karasik V.I. Kul'turnye dominanty v jazyke // Jazykovaja ličnost': kul'turnye koncepty: sb. nauch. tr. / VGPU, PMPU. Volgograd – Arhangel'sk, 1996.
15. Karasik V.I. Jazykovaja spiral': cennosti, znaki, motivy: monogr. Volgograd: Paradigma, 2015.
16. Kolesov V.V., Kolesova D.V., Haritonov A.A. Slovar' russkoj mental'nosti: v 2 t. SPb.: Zlatoust, 2014.
17. Krasnyh V.V. Slovar' i grammatika lingvokul'tury. Osnovy psiholingvokul'turologii. M.: Gnozis, 2016.
18. Ozhegov S.I., Shvedova N.Ju. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka. M.: Azbukovnik, 1999.
19. Savenkova L.B. Russkie paremii kak funkcionirujushhaja sistema: dis. ... d-ra filol. nauk. Rostov n/D., 2002.
20. Sam sebe psiholog [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://www.psychology-faq.com> (data obrashhenija: 08.05.2017).
21. Seliverstova E.I. Prostranstvo russkoj poslovice: postojanstvo i izmenčivost'. M.: FLINTA: Nauka, 2017.
22. Slovar' russkogo jazyka: v 4 t. M.: Rus. jaz., Poligrafresursy, 1984. T. 4.
23. Telija V.N. Pervoočerednye zadachi i metodičeskie issledovanija frazeologičeskogo sostava jazyka v kontekste kul'tury // Frazeologija v kontekste kul'tury. M., 1999. S. 13–25.
24. Telija V.N. Russkaja frazeologija. Semantičeskij, pragmatičeskij i lingvokul'turologičeskij aspekt. M.: Jaz. rus. kul'tury, 1996.
25. Ushakov D.N. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka: v 4 t. M., 1940.
26. Ujen Duan'chzhan. Bol'shoj slovar' kitajskih pogovorok. Shanhaj. Shanhajskoe slovarnoe izd-vo, 2011 (na kit. jaz.).
27. Ujen' Duan'chzhan, Shjen' Hujejjun'. Praktičeskij slovar' kitajskih poslovic. Pekin: Pekin. slovarnoe izd-vo, 2014 (na kit. jaz.).
28. Ujen' Duan'chzhan. Bol'shoj slovar' kitajskih poslovic. Shanhaj, Shanhajskoe slovarnoe izdatel'stvo, 2011 (na kit. jaz.).
29. Chernyh P.Ja. Istoriko-jetimologičeskij slovar' russkogo jazyka. M.: Rus. jaz, 1994.

~~~~~

***Axiological paremiological opposition
«gooddeeds» versus «evil deeds»:
problems of description in linguistic
and cultural dictionaries (against
the background of the Chinese
language)***

The article deals with the ways of representation of axiological values and description of the connotative assessment in Russian and Chinese paroemias by highlighting the people's cultural attitudes. The authors reveal national features of value systems reflected in the paroemias. An algorithm for describing paroemias in an educational linguistic and culturological dictionary is presented. A comparative description of value systems represented by Russian and Chinese proverbial phrases is presented.

Key words: *axiology, axiological value, paroemias, cultural attitudes, linguistic and culturological dictionary.*

(Статья поступила в редакцию 01.11.2018)